

"Одесский листок", пер. Одесса
1893, 23 октября.

ВЗГЛЯДЪ И НѢЧТО.

№ 273, 13
О чемъ, бишь, а что? Обо
всемъ! Гривъсдовъ.

Давно не бралъ я пера въ руки, давно не пускался въ широкое, бурное, усебянное всякаго рода подводными камнями и другими неожиданными газетное море. Да, не безопасное это море, а все манить его безконечная даль, все тебѣ кажется, что тамъ, гдѣ-то, есть завѣтная цѣль, что она не недостижима. Думается, до чего-то договорись, чего-нибудь достигнешь своими писаніями... А глядишь—всѣ недовольны, всѣ бранятъ; тотъ находитъ, что ты сказалъ мало, другой—что много, тотъ думаетъ, что ты такъ сказалъ, да не такъ, другой — что ты такъ сказалъ, да не то. Хоть плачь! Остаются искать успокоенія въ пословицѣ: «на всякое чиханье не наздравствуешься»—и, отрѣшась отъ страха и сомнѣнія, писать, что находишь нужнымъ и удобнымъ.

На сей разъ я намѣренъ побесѣдовать съ читателемъ о нашихъ художественныхъ дѣлахъ. Эту бесѣду слѣдовало-бы собственно начать съ выставки южно-русскихъ художниковъ—такъ, кажется, она называется,—но объ ней уже довольно было писано и, притомъ, я очень мало знакомъ съ живописью, ея задачами и средствами, и представляю это дѣло другимъ, болѣе призваннымъ. Пусть ихъ судятъ о широтѣ штриха, о сочности мазка, о прозрачности, воздушности, тонахъ, концепціяхъ, группировкахъ, лѣпкѣ и т. д. Я ограничусь театромъ, музыкой и чтеніями—областью, болѣе или менѣе знакомою мнѣ.

Театръ у насъ покажется одинъ—оперный; въ немъ идутъ оперы на русскомъ и, изрѣдка, на итальянскомъ языкѣ. Вопросъ о русской оперѣ въ Одессѣ былъ довольно долго предметомъ оживленныхъ споровъ въ шестствѣ и въ печати. Одни находили, что десѣ нужна только италянская опера, тѣе—что только русская, третьи — что и и другая, четвертые—что ни та, ни другая. Одни стояли за драму, другіе отрицали ее; одни находили, что Одесса вообще не музыкальный, не эстетическій городъ, другіе утверждали наоборотъ; одни находили, что когда въ Одессѣ дѣла хороши, то все хорошо, другіе доказывали, что, независимо отъ состоянія дѣлъ, Одесса очень падка на все дѣйствительно хорошее. Словомъ, мнѣнія дѣлились до безконечности. Кромѣ этихъ, такъ сказать, теоретическихъ вопросовъ, возникали и другіе, болѣе практическіе. Говорили о томъ, что городъ слишкомъ много тратитъ на театр, говорили, что слишкомъ мало; требовали одни увеличенія, другіе—жалованной суммы городской субсидіи те-

атру.—Тѣ-же разногласія возникали и по поводу музыки, музыкальнаго общества и музыкальныхъ классовъ.—Люди толковали, что хотѣли, а факты говорили свое, и вотъ эти-то факты, мнѣ кажется, были и гораздо краснорѣчивѣе, и убѣдительнѣе. Что-же они говорили?

А вотъ что. Драма, сколько-нибудь удовлетворительная, встрѣчала очень сочувственный пріемъ, интересовала публику и пользовалась ея вниманіемъ. Русская опера, существуя наряду съ итальянской, одерживала надъ ней верхъ въ симпатіяхъ публики.—Хорошая, интересная музыка влекла къ себѣ всѣ сердца, музыкальное общество, дававшее публикѣ такую музыку, возбуждало къ себѣ участіе и вниманіе, число членовъ его, равно какъ и число учащихся въ музыкальныхъ классахъ—значительно возросло. Это все факты, которые я могу доказать съ цифрами въ рукахъ.

Что-же изъ нихъ слѣдуетъ? Прежде всего то, что въ дѣлѣ искусства Одесса держится вольтеровскаго принципа—«*tous les genres sont bons, sauf l'ennuyeux*». Далѣе слѣдуетъ что путь, по которому идетъ музыкальное общество, оказывается правильнымъ и цѣлесообразнымъ, и такъ какъ оно есть учрежденіе постоянное, самодовлѣющее, само изъ себя развивающееся, то оно должно идти своей дорогой. Не въ такомъ положеніи находится театр. У него слишкомъ много хозяевъ, на него слишкомъ много претендентовъ: городское управленіе ищетъ своего, антрепренеръ своего, одна коммиссія тянетъ въ одну сторону, другая—въ другую—«и выходитъ кутерьма», какъ поетъ Верта въ «Севильскомъ Цирюльникѣ». Присматриваясь къ театральному дѣлу въ Одессѣ, нельзя не замѣтить этой двойственности этого разлада, изъ котораго нѣтъ выхода, кромѣ одного—уничтоженія его причины. А причина здѣсь кроется въ томъ, что городъ, городское управленіе, дѣйствуетъ относительно театра *безъ принципа*. Всѣ неудобства, вся путаница сразу будетъ уничтожена, разъ выяснится и будетъ опредѣленъ принципъ, котораго городъ желаетъ держаться по отношенію къ театру. Этихъ принциповъ можетъ быть только два: или театръ есть городское имущество, которое должно приносить городу доходъ; или онъ есть городское учрежденіе, которое должно служить извѣстной цѣли, признаваемой городомъ полезною. Въ первомъ случаѣ должно дѣйствовать однимъ способомъ, во второмъ—другимъ. Но если «смѣшивать два эти ремесла», если городъ вздумаетъ и повинность соблюсти, и капиталъ пріобрѣсти, то всегда будетъ выходить такая нескладница, какая идетъ теперь. Желалъ, чтобъ те-

атръ служилъ тѣмъ или другимъ задачамъ, городъ предъявляетъ къ театру соответственныя требованія. И вотъ между городомъ и театромъ происходитъ слѣдующій, примѣрный, діалогъ.

Городъ. Я хочу, чтобъ ты служилъ цѣльмъ образовательнымъ и эстетическимъ.

Театръ. Дай на это денегъ.

Городъ. Я и то много даю.

Театръ. Но этого мало, надо больше.

Городъ. Больше не хочу дать.

Театръ. Такъ не требуй.

Городъ. Но я-жъ даю деньги.

Театръ. Но этого мало, надо больше.

Городъ. Больше не хочу дать.

Театръ. Такъ не требуй.....

И такъ далѣе, да саро al fine! Двоякаго рода театры бываютъ на свѣтѣ. Частныя театры, вполнѣ частныя, рассчитаны на то, чтобъ давать барышъ своимъ хозяевамъ. Эти хозяева сдаютъ театръ въ аренду безразлично кому—оперѣ, драмѣ, опереткѣ, профессорамъ магн, ученымъ блохамъ—все равно. Другіе театры—государственныя—преслѣдуя извѣстныя цѣли, служатъ предметомъ расходовъ и затратъ, иногда очень большихъ, и въ большинствѣ случаевъ даютъ дефициты, тоже не малые. Нашъ театръ, на мой взглядъ, долженъ принадлежать къ числу послѣднихъ. Онъ долженъ фигурировать въ статьѣ городскихъ расходовъ, и тогда только, по моему мнѣнію, можно отъ него что-либо требовать. А если городъ не хочетъ расходоваться на театръ, если онъ желаетъ, чтобъ театръ окупался и амортизировался—тогда совсѣмъ другое дѣло и о требованіяхъ не можетъ быть и рѣчи. Къ сожалѣнію, городъ не остановился ни на одномъ изъ этихъ принциповъ и сидитъ между двухъ стульевъ съ своимъ миллионнымъ театромъ.—Какъ-то, лѣтомъ, я встрѣтился съ Н. П. Прянишниковымъ и онъ мнѣ говорилъ, что безъ субсидій въ 50.000 руб. одесскаго театра взять нельзя, разумѣется, если отъ города будутъ предъявляемы въ театру какія-либо требованія. Опытъ показалъ, что это правда: ни одинъ антрепренеръ до сихъ поръ не вышелъ цѣль изъ одесскаго театра.

По моему, городъ долженъ содержать, ремонтировать, отоплять и освѣщать театръ, и либо предоставить антрепренеру всѣ доходныя статьи (буфетъ и вѣшалку) либо,—и это еще лучше,—давать театру оркестръ и хоръ. Это составитъ почти ту цифру, которую указалъ Прянишниковъ *). Только при этомъ условіи городъ можетъ требовать того или другаго репертуара и состава.—Я не вдаюсь

въ детали; для опредѣленія ихъ городъ долженъ выработать, при помощи свѣдущихъ людей, извѣстную программу и инструкцію, для чего имѣются многочисленныя данныя и въковой опытъ другихъ городовъ и театровъ.

Въ нынѣшнемъ сезонѣ Одесса осталась безъ драмы. Русскій театръ, который, по слухамъ, скоро будетъ готовъ, сдѣлается аренной голоножія и тру-ля-ля. Г. Кисилевичъ везетъ въ него изъ Москвы опереточную труппу. Поживемъ, увидимъ. Я, съ своей стороны, ничего хорошаго не жду отъ этого предпріятія. Оперетку, вообще, пора бы сдать въ архивъ, а русскую въ особенности. Года три тому назадъ, Суворнинъ написалъ прекрасную статью, въ которой какъ дважды два четыре доказалъ, что, если посмотреть на оперетку со стороны, то кажется, что попалъ въ сумасшедшій домъ; и всѣ кто читалъ эту статью, не могли не согласиться съ глубокомысліемъ этого замѣчанія. По слухамъ, во главѣ Русскаго театра стоитъ Н. П. Новиковъ-Ивановъ, и я не сомнѣваюсь, что раньше или позже Русскій театръ сдѣлается русскимъ драматическимъ театромъ.

Л. К.-Н.-Нѣ.

*) Эти строки уже были сданы въ печать, когда я узналъ, что городъ почти такъ и предполагаетъ поставить дѣло. Отъ души привѣтствую этотъ поворотъ.